

УДК 94:325.11(476.2)«192»

З.А. Александрович

Государственный архив Гомельской области

Д.Г. Лин

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

О.В. Горбачев

Уральский Федеральный университет имени

первого Президента России Б.Н. Ельцина

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ

ИЗ ГОМЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В СЕРЕДИНЕ 1920-х годов

На примере Гомельской губернии проведен анализ советской переселенческой политики в 1920-х гг. Авторами использован значительный архивно-документальный и статистический материал, позволивший раскрыть избыточность аграрного населения губернии на рубеже XIX – XX

вв., концепцию переселений, практику их организации по этапам. Показаны сложности и результативность кампаний переселения, их влияние на перспективы модернизационных процессов, как в сельском хозяйстве, так и промышленности Гомельской губернии и Беларуси.

Огромная территория Российской империи всегда ставила страну перед необходимостью колонизации [1, с. 325]. В условиях нарастающего крестьянского

106
малоземелья в европейских губерниях страны миграция на восток страны постепенно принимала в XIX в. все более массовый и неуправляемый характер. Это обстоятельство стало основной причиной образования в 1896 г. Главного переселенческого управления при Министерстве внутренних дел. После революции 1905–1907 гг. правительство избавилось от иллюзий о стабилизирующей социальной роли общины, государственная политика в этом вопросе перестала быть половинчатой, и в контексте столыпинской аграрной реформы началось масштабное переселение крестьян на восток. Однако вскоре стало ясно, что даже при набранных темпах переселения потребуется много времени, чтобы, с одной стороны, снять проблему малоземелья в центре страны, а с другой, освоить пустующие пространства на ее востоке.

С приходом к власти большевиков после масштабного передела земли и завершения землеустроительных работ в середине 1920-х гг. практика организованных переселений возобновилась. Если в 1924 г. число заявок на переезд составляло 163 тыс., то в 1926 г. – уже 500 тыс. [1, с. 82].

Рассмотрим организацию и эффективность переселений на примере Гомельской губернии, с 1919 по 1926 гг. входившей в состав РСФСР и считавшейся в тот период одной из наиболее густонаселенных территорий страны. К началу 1925 г. в составе губернии из первоначальных 14 осталось пять уездов: Гомельский, Клинцовский, Новозыбковский, Речицкий и Стародубский. Ее территория составляла 24 901 кв. версту (28 338 кв. км), в границах которой существовало чуть более 220 тыс. крестьянских хозяйств с числом жителей ок. 1 150 тыс. чел, то есть на один двор приходилось примерно 5,2 чел. [2, л. 101].

О сравнительной густонаселенности территории свидетельствуют данные Гомельского земельного управления (ГЗУ). Если по СССР в целом на 1 кв. версту приходилось 7 человек, то в Сибири только 0,8; в Европейской части СССР – 22,2; в Западной области – 36,4, а в Гомельской губернии – 45,2 [2, л. 101].

Соответственно, велика была и хозяйственная нагрузка на землю. В губернии на 100 дес. всей земельной площади приходилось 42,1 дес. пашни. В распределении земель явно не хватало сенокосов – из 100 дес. пашни сенокосы занимали только 45,5 дес., причем между уездами сенокосы были распределены крайне неравномерно (например, в

Речицком уезде по 3,2 дес. на хозяйство, а в Новозыбковском только 1,1 дес.). Доля пашни на одного человека составляла менее одной десятины (от 0,94 в Стародубском уезде и до 0,69 в Гомельском). С учетом всех земель сельскохозяйственного назначения в среднем на одного земледельца в губернии приходилось примерно 1,5 дес. земли. Однако необходимо учитывать, что почва в губернии почти на 60 % была песчаной и требовала большого количества удобрений. При таком состоянии почвы норма надела земли оценивалась примерно в пределах 2–2,5 дес. на человека.

Следует также учитывать неравномерность распределения земель по хозяйствам. В результате перераспределения земли после революции 1917 г. в структуре семейного землепользования произошли глубокие изменения. Как видно из Табл. 1, прежде всего резко сократилось число безземельных хозяйств.

Сопоставляя данные Табл. 1 можно видеть, что распределение сельских хозяйств по площади посевов в дореволюционный и послереволюционный периоды различается принципиально. В первом случае кривая распределения имеет два максимума (первый приходится на размер площади посевов 1–2 дес., второй – на диапазон 4–6 дес.). Это показывает, что хозяйства были разделены на два вида: мелкие и средние. После революции, зависимость выродилась в кривую с одним максимумом (он пришелся на диапазон 1–2 десятины) и это уже означает, что количество середняков уменьшилось. Хозяйства с площадью посевов от 1 до 2 дес. в 1924 г. составляли 30,28 % от всей численности хозяйств, в 1917 г. их было только 18,58 %. Доля беспосевных хозяйств после революции снизилась до величины менее 1 % и, если судить по данным за 1925 г., продолжала снижаться. В тоже время

для послереволюционного периода характерна общая тенденция роста доли средних и более крупных хозяйств (площади посевов от 2 до 6 десятин).

Таблица 1. Динамика долевого распределения хозяйств Гомельской губернии по площади посевов, % [2, л. 101 об.]

№ п /п	Размеры хозяйств по площади посевов, дес.	Годы		
		1917*	1924	1925
Без посевов	1	10,32	0,84	0,67
до 1	2	12,82	13,34	10,13
от 1 до 2	3	18,58	30,28	29,01
от 2 до 3	4	18,18	24,74	27,08
от 3 до 4	5	12,62	14,77	15,86
от 4 до 6	6	15,44	11,34	12,90

от 6 до 8	7	6,15	3,32	3, 17
8	свыше 8	5,86	1,37	1, 18
* Данные, рассчитанные для территории будущей Гомельской губернии				

НЭП привел к восстановлению сельскохозяйственного производства, которое по своему уровню приблизилось к дореволюционному периоду. По результатам опроса населения за 1923 г., численность крупного рогатого скота у крестьян выросла на 6 %, лошадей на 10 %, овец на 20 % и свиней на 8,7 %. Однако недород 1924 г. привел к некоторому снижению поголовья скота [3].

В целом можно считать, что низкий среднедушевой уровень обеспечения населения пахотными землями являлся главной причиной того, что в Гомельской губернии большинство хозяйств были бедняцкими. По оценкам того времени, к бедняцким относилось 75 % хозяйств. Из оставшихся 25 % к малоимущим и среднебедняцким относили 23 % хозяйств и только 2 % хозяйств представляли собой, как тогда говорили, зажиточный и кулацкий элемент [4]. Земельная уплотненность, большая доля малоплодородных почв и скученность населения создали в крестьянских хозяйствах губернии высокую избыточность рабочих рук. Здесь надо обратить внимание на то, что вследствие малой урбанизованности сельское население Гомельщины мало отвлекалось на внеземельные занятия. Так, по данным Губстатбюро, отхожими и кустарными производствами в то время были заняты соответственно 1,8 % и 2,6 % сельчан [2, л. 102]. Что касается производственных возможностей крестьянских хозяйств, то они были крайне недостаточными. В основном преобладали малопосевные, однолошадные и однокоровные хозяйства, не обеспеченные кормами. В агротехнологии доминировала трехпольная зерновая система. Недостаток скота приводил к нехватке органических удобрений, а при бедности почв получаемые урожаи были низкими. Таким образом,

108
вопрос о дальнейшем развитии сельскохозяйственного производства на территории губернии упирался в решение проблемы избыточного крестьянского населения. Еще в конце XIX в. и самом начале XX в. переселения в уездах, входивших в 1920-х гг. в состав Гомельской губернии, приобрели широкий размах. Так, за три года с 1894 по 1896 гг., из трех восточных уездов переселились более 19 тыс. человек [2, л. 102]. Максимум переселенческой активности пришелся на период Столыпинских реформ. За это время из тех же трех восточных уездов выехало 7,3 тыс. хозяйств, а расчет показывает, что общий показатель переселений по уездам находился в пределах от 7 ‰ до 20 ‰. В годы первой мировой и гражданской войн, а также в последовавший за ними период переселения практически прекратились. Можно лишь отметить стихийный отток крестьян в Украину в 1922 году. Организованные переселения в губернии начались лишь в 1924 году, когда Наркомземом было разрешено плановое переселение крестьянских семей в Поволжье.

При оценке избытка сельского населения в Гомельской губернии будем исходить из того, что сельское хозяйство на этой территории считалось товарным, если на каждого едока будет в среднем приходиться 2 дес. земли. Эта норма была установлена на основании статистических обследований. Она учитывала скудость песчаных земель

Гомельщины [2, л. 104].

Результаты расчетов показывают, что площади сельскохозяйственных земель в губернии позволяли иметь оптимальную численность сельских жителей около 800 тыс. человек. На самом же деле в губернии проживало примерно 1150 тыс. человек, то есть избыток сельчан составлял около 350 тыс. человек. Из этой цифры предлагается вычесть примерно 50 тыс. сельских жителей, занимающихся отхожим и кустарным промыслами. Далее следует учесть возможное расширение (главным образом, за счет мелиорации) площади земель, пригодных для сельскохозяйственного использования. Ожидалось [2, л. 104об], что такое расширение составит примерно 100 тыс. десятин, то есть будет дополнительно удовлетворена потребность в земле еще 50 тыс. человек. Таким образом, избыток населения можно скорректировать на 100 тыс. человек в сторону уменьшения, и окончательная избыточная численность сельских жителей в губернии составляла 250 тыс. человек, или 21,7 % от общей численности сельского населения. С годами эта цифра могла только увеличиваться в связи с естественным приростом населения. Если ориентироваться на коэффициент естественного прироста в 20 ‰, то ежегодная прибавка численности сельчан составит примерно 20 тыс. человек. Избыток сельчан в 250 тыс. человек можно было переселить в течение 10 лет, то есть переселяя по 25 тыс. ежегодно.

Как предполагалось организовать переселения сельчан из Гомельской губернии? В письме от 21 марта 1924 г. ГЗУ предложило руководству губернии следующий план: провести подбор контингента переселенцев, располагающих достаточными средствами для переезда и устройства на новых местах; объединить беднейшую часть переселяющихся в артели, кооперативы и другие сельскохозяйственные коллективы; оказать переселенцам помощь со стороны тех обществ, из которых они выходят; привлечь необходимые средства из местного бюджета губернии; предоставить государственный кредит для выдачи долгосрочных ссуд; восстановить льготы для переселенцев, установленные Декретом от 25.07.1922 г. [5]

Перейдем к организационным этапам переселенческого процесса, начиная от принятия решения на переезд и заканчивая переездом семьи на новое место жительства.

1. подача заявления на переселение. Оценка имущественной состоятельности будущих переселенцев. Формирование сельскохозяйственных объединений из семей малоимущих переселенцев. Регистрация переселенцев в уездных земельных органах.

В первую очередь следует перечислить требования, которые предъявлялись к семьям, выразивших свое желание переселиться. К переселению допускались хозяйства, имеющие в своем составе 2,5 работников. Полными работниками в то время считались трудоспособные 109

мужчины в возрасте от 18 до 55 лет и женщины в возрасте от 18 до 45 лет. К полуроботникам относили подростков от 14 до 18 лет и трудоспособных стариков. Всех остальных считали нетрудоспособными и к ним относили детей до 14 лет, стариков, «хворых» и калек.

Второе требование к переселяемым семьям касалось имущественной обеспеченности хозяйств. Переселяться могли только те хозяйства, которые обладали инвентарем и средствами, необходимыми для организации жизни на новом месте без денежных затрат со стороны государства. Другими словами, решаясь на переселение, семьи должны были иметь достаточно средств, чтобы самостоятельно переехать и обустроиться. Главное управление Наркомзема определило минимум хозяйственной обеспеченности каждого переселяющегося хозяйства. Это: три лошади, тяжелый плуг, борона, железный ход (телега на железном ходу) и не менее 10 червонцев деньгами или в виде товара. На каждую переселенческую семью возлагалась также оплата расходов по отводу участка (вначале 25 руб. на один участок) [6].

Сейчас можно примерно оценить материальную обеспеченность маломощного хозяйства в ценах того времени. В такого рода хозяйстве имелось:

1 изба (примерно стоила 200 руб.), 3 холодные постройки (по 30 руб.),

1 гумно (100 руб.), две лошади (по 80 руб.), 1 корова (40 руб.), 2 телеги (по 25 руб.), 2 саней (по 10 руб.), два плуга (по 5 руб.), две бороны (по 2,5 руб.) и 100 пудов зерна (примерно 25 руб.) [4, лл. 29–30]. Расчет показывает, что общая стоимость имущества хозяйства составляла 750 руб. Для семей, переселяемых в Поволжье, была установлена имущественная квота в 1 300 руб. Понятно, что в эту сумму входила не только стоимость имущества и инвентаря, но и деньги в золотом исчислении, имеющиеся на руках.

Квота в 1300 руб. могла быть уменьшена до 1000 руб. Но в этом случае переселяемые семьи должны были объединиться в сельскохозяйственные кооперативы с обязательством оказывать друг другу помощь при переселении. Для семей, переселяемых в Сибирь и на Дальний Восток, минимальная имущественная обеспеченность была еще ниже и составляла 800 и 900 руб. на семью соответственно. Эти суммы снижались на 200 руб. для семей, объединяемых в кооперативы. Минимальный имущественный порог также снижали для хозяйств, в которых число работников превышало число неработоспособных. Такое право предоставлялось местным органам. В конечном счете уровень обеспеченности переселяемых семей не должен быть ниже 100 руб. на едока и не меньше 400 руб. на семью. Семьи, не имеющие достаточной собственности, не включались в списки на переселение [7].

На уездные земельные отделы возлагалась обязанность вести учет поступающих заявлений на переселение, а также формировать семейные и имущественные описи хозяйств. Работники этих отделов предупреждались о том, что жалобы крестьян об отказах в регистрации и выдаче справок переселенцам будут расцениваться как волокита при проведении важной государственной работы по переселению. Документы по переселению не облагались гербовым и канцелярским сбором.

Активная работа по переселению начиналась с определения Наркомземом плановых цифр хозяйств, которые могли переехать в ту или иную губернию страны. Одним из первых таких документов явилось письмо Наркомата от 11.02.1924 [8]. В нем сообщалось, что в текущем году предполагается открыть частичное переселение из ряда западных губерний в Поволжье. В соответствии с ранее поданной заявкой (Гомельская губерния ставила вопрос о переселении 4 152 семейств – соответственно 24 345 душ) губернии предлагалось переселить 26 000 едоков. С этого момента переселенческая компания входила во вторую стадию.

2. Отправка ходоков для осмотра и отвода участков в местах переселений.

Ходоки являлись полномочными представителями переселяемых семей. Они выступали от имени этих семей, выражали их интересы и были первыми, кто вступал во взаимодействие с земельными службами по месту будущих переселений.

Подбирая ходоков, переселенцы должны были действовать обдуманно и постепенно. Это были доверенные и знающие люди, и от них полностью зависел ход

110 переселений. Только заручившись подходящим участком и надлежащим образом оформив его за собой, переселенцам можно было приступить к ликвидации своего хозяйства на родине и к переезду. Необдуманное и самовольное переселение приносило семье не только разорение, но и подрывало всю плановую работу в местах вселения.

В своих поездках ходоки, как правило, представляли интересы пяти семей, то есть при успешном выполнении своей миссии они должны были зачислить участки для 5 хозяйств. Перед отправкой в поездку ходоки получали инструктаж в уземотделах. Они должны были не только зачислить участки, но и определиться, что из инвентаря и имущества переселенцы могут взять с собой, а что им следует оставить. Ходоки получали полномочия от хозяйств, которые представляли, регистрировались в уземотделах для получения ходаческих свидетельств и удостоверений на льготный проезд.

Железнодорожные билеты им льготировались на 1/4 стоимости, остальные затраты они покрывали за счет средств делегировавших их переселенцев [8, лл. 26–26об].

По результатам поездок ходоками принимались решения о зачислении за ними земель или об отказе в таком зачислении. Причинами отказов, со слов возвращающихся, часто были опасения материального характера или другие факторы. Так, в 1924 г. ходоки зачислили в Самарской губернии только часть земли, что в основном объяснялось засухой, которую ходоки видели в Поволжье во всех своих проявлениях. На Дальнем Востоке ходокам представили для осмотра участки в пограничной зоне с проживающим там туземным населением. Переселенцев отпугивали незнакомый язык, условия местной жизни, обычаи. Неблагоприятным фактором также выступала отдаленность участков от железной дороги и водных путей. В степных местностях решающее значение для переселенцев имели обводнение и лесистость. В целом в переселенческой среде сформировалось мнение, что наиболее подходящими для них являются места вселения, где условия жизни, быта и хозяйственная обстановка больше всего соответствуют местам их нынешнего обитания. Для переселенцев из Беларуси такими местами были Северный Кавказ, Урал, южные и ближайшие губернии Сибири, а также северные уезды Самарской области.

Засуха 1924 года в Поволжье серьезным образом отразилась на результатах переселений. Эта тема нашла свое отражение в официальных письмах из Поволжья в Гомельскую губернию. Так, в письме Саратовского губземуправления сообщается о недороде в губернии и высказывается просьба сообщить об этом желающим переселиться. В письме приводились также рекомендации, важные для переселенцев. Так, говорилось, что скот вести с собой вовсе не обязательно. Сносную лошадь можно купить на месте за 50 рублей. Кроме того, в Саратовской губернии наблюдается падеж привозимого скота из-за объедания местными травами. Привезенные лошади слабосильные и недостаточно выносливые, особенно, при подъеме залежей, где необходимы волы и верблюды. Из сельскохозяйственных орудий и инвентаря следует везти только тяжелые борону, телеги, бочки и строительный лес. Можно также везти семена, продовольственный и зерновой фураж с перспективой их обмена [8, л. 34].

В августе 1924 года Наркомземом подводится некоторый промежуточный итог потерь от засухи в Поволжье [8, л. 33]. В письме Наркомзема сообщается, что невыполнение условий и требований к переселенцам, в конечном счете, несет тяжелое, а порой непоправимое материальное разорение семей. Невыполнение условий переселения приводят к возвращению домой малоимущих семей. До 70 % переселившихся хозяйств были вынуждены оставить занятые ими земли и вернуться на места прежнего жительства. Руководство Наркомзема обратилось к гомельским властям: «не находя возможности препятствовать их возвращению, просим принять меры по их земельно-хозяйственному устройству на местах» [8, л. 39]. Из приведенной переписки видно, насколько тяжелой и порой драматичной была переселенческая жизнь. Но переселенческие органы не скрывали всех опасностей и невзгод, возникающих на пути переселенцев, и по мере

111
возможности пытались оказать им помощь. После зачисления земель на новых местах переселенцы вступали в очередной – третий этап.

3. Отправка рабочих дружин со скотом для проведения первых посевов.

Чаще всего переселение семей происходило в два этапа – вначале отправлялись рабочие дружины для вспашки земель и проведения первых засевов, а уже затем переезжала вся семья. В разъяснениях Наркомзема говорится, что при формировании рабочих дружин их следует обеспечить тягловой силой из расчета 2 лошади на каждую семью и достаточными денежными средствами на возведение построек, приобретение сельскохозяйственного инвентаря и семян (хотя их можно взять и с собой). Норма обеспечения тягловой силой могла быть уменьшена, если дружины отсылаются от коллектива переселенцев. Везти с собой семенной материал можно было только при полной уверенности, что он будет пригоден на новых местах. Что касается семенного

фонда на местах, то он создавался при предварительной договоренности между соответствующими губернскими сельхозуправлениями [8, лл. 43–44]. Параллельно с рабочими дружинами в местах выселения шла подготовка к окончательной эвакуации семей.

4. Организация групп переселенцев и установление сроков их погрузки и отправки. Ликвидация хозяйств. Льготирование переселенцев.

На уездные и губернские земельные органы возлагалась задача по организации переселенческих групп и разработке графика отправки переселенцев. В обязанности губерний входило также оказание помощи переселенцам за счет местных средств. Переселенцы переезжали только группами либо в нескольких вагонах, либо целыми эшелонами. И люди, и перевозимые животные проходили медицинский и ветеринарный контроль. Предусматривалось, чтобы места загрузки имели крытые помещения для временного размещения переселенцев, скота и имущества. Прежде чем выехать, переселенцы должны были распродать свои дома, постройки и другое имущество. Поскольку это делалось в спешке, то и многое продавалось за бесценок. Часто покупателями были кулаки (здесь это слово используется в своем первоначальном смысле – перекупщики), которые затем все перепродавали по повышенным ценам. Именно тогда возникла идея укрепить остающиеся бедняцкие и малоимущие середняцкие хозяйства за счет выделения им ссудных кредитов на покупку продаваемого имущества переселенцев. Были выполнены расчеты размеров кредитных сумм на уезд (120 руб. на отчуждаемое хозяйство). Для правильного использования этого кредита предлагалось его выдавать по договорам, заключенным между покупателем и продавцом. Получая кредит, бедняки выкупали имущество переселенцев, а переселяемые получали помощь от государства.

Переселенцы пользовались льготными тарифами на проезд и провоз багажа (уплачивалась 1/4 от стоимости) и правом сдачи земли в аренду. Порядок арендной сдачи земли предусматривался отдельным циркуляром губземуправления [8, лл. 45–45об]. В местах вселений переселенцы освобождались от уплаты единого сельскохозяйственного налога и отбывания воинской повинности на срок от 3 до 5 лет. Кроме того, им предоставлялось право на получение кредита на переселение. Существовали и другие, местные, льготы. Так, например, переселенцам в Сибирь и на Дальний Восток бесплатно выдавали лесные материалы (строевой лес) на корню.

5. Транспортировка переселенцев эшелонами или группами вагонов.

Перед отправкой переселенцев из их числа подбирались комендант эшелона или группы вагонов, который получал инструктаж, и ему выдавалось удостоверение. Работу коменданта он выполнял без всякого денежного вознаграждения. Комендант эшелона получал на руки перевозные документы (накладные, билеты) и путевой лист (туда он заносил сведения обо всех затруднениях, задержках, происшествиях в пути, а также обо всех заболевших или отставших).

112

Комендант эшелона имел поименный список переселенцев с указанием мест назначения каждого из них. На отдельных станциях проводилась регистрация эшелона. При движении эшелонов в Сибирь иногда возникали задержки, которые отрицательно воспринимались переселенцами («возникает ропот на распоряжение железнодорожных властей, вводящее переселенцев в чрезмерный расход» – пишется в одном из отчетов) [4, л. 34].

Как уже отмечалось, засуха в Поволжье и требование высокого уровня материальной обеспеченности, предъявляемое к переселяемым семьям (1300 руб. на семью) отрицательно сказались на результатах переселений 1924 г. В 1925 г. переселения приняли более широкий размах. По нарядам Наркомзема для Гомельской губернии было

разрешено плановое переселение в Сибирь, на Дальний Восток и в Поволжье общей численностью 18 250 человек. По направлениям переселений это число разбивалось следующим образом: в Сибирь 11 000, на Дальний Восток – 5 000 и в Поволжье – остальные 2 250 чел. Кроме того, было разрешено внеплановое переселение – в Украину, Северный Кавказ и Крым. Суммарное число переселений вне плана неоднократно менялось в течение года, но можно все же остановиться на примерной цифре 6 500 человек, из них на Северный Кавказ – 5 000, в Крым – 1 200 и в Украину – 300 человек [9]. Как видим, в 1925 г. география переселений серьезно расширилась.

Нужно заметить, что постановлением Совнаркома Украины от 24 апреля 1924 г. было признано нецелесообразным дальнейшее переселение в республику из других регионов СССР. В документе отмечалось, что в Украинской ССР очень мало свободных земель и их недостаточно для распределения между украинскими крестьянами. Тем не менее, переселения в Украину продолжались и после обозначенной даты. Переселенцы находили возможность получать разрешения на переезд в Наркомземе в эту республику в частном порядке. Учитывая опыт 1924 г., когда большое число ходоков возвращалось без зачисления земли, в 1925 г. ходоки в своих поездках представляли число претендентов, значительно превышающее план переселений (таблица 2).

Таблица 2. Сведения по числу ходоков и переселенцев, отправленных из уездов Гомельской губернии в период с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 года [2, л. 107]

Наименование уездов	Ходачество	Переселение	
Число ходоков	От числа семей	В них душ обоого пола	Число семей
Гомельский	261	1772	12121
Клинцовский	292	1868	12868
Новозыбковский	196	948	6462
Стародубский	101	1135	7774
Речицкий	57	325	2397
Всего по губернии	907	6048	41622

Как видно из таблицы, 907 ходоков представляли собой боле 40 тыс. населения и эта цифра превышала суммарную возможность переселений в 1925 г. (18 250 чел. по плану плюс 6 500 вне плана). Однако ходоки всего зачислили земли на 10–12 тыс. едоков, что составляло только около 30 % от общего числа желающих выехать. Очевидно, что на местах переселения многое не удовлетворяло ходоков и поэтому они не решались зачислить за собой земли. В Табл. 2 также приведены некоторые данные по переселению крестьянских семей. Если ориентироваться на цифру зачисления земель ходоками, то выехали далеко не все семьи, которые зачислили за собой земли. Всего выехало 4 329 человек. Часть людей могла выехать 113

после октября 1925 г., но очевидно, что значительная часть людей не стала переезжать на зачисленные земли. Таким образом, переселения середины 1920-х гг. в Гомельской губернии были вызваны существенным аграрным перенаселением. Первоначально для переселений были предложены только свободные земли в Поволжье, а затем география была расширена. Концепция переселений крестьянских хозяйств базировалась на добровольности принятия семьей решения о выезде. Поскольку государство было не в состоянии оказать переселенцам реальную помощь, то был установлен минимум имущественной и финансовой

обеспеченности семьи, ниже которого она не допускалась к переселению. В то же время, к переселению стремились малоимущие семьи, которые больше, чем другие испытывали земельную недостаточность, но не имели требуемой материальной обеспеченности. Поэтому в переселении в основном участвовали семьи, имеющие определенный материальный достаток, и которые добровольно приняли решения на переезд.

Принятая схема переселений, сочетающая в себе добровольность в принятии решения на выезд и наличие в семье определенного материального достатка, имела невысокую эффективность. Так, за один год (с октября 1924 по октябрь 1925 гг.), выехавшие из Гомельской губернии ходоки представляли собой более чем 41 тыс. возможных переселенцев, но окончательно на новые места проживания выехала примерно 1/10 их часть (около 4,3 тыс. человек) (таблица 2). Более того, «окончательный выезд», не означает окончательного переселения этих семей. Можно уверенно говорить, что часть выехавших не смогла адаптироваться на новых местах, и через некоторое время они возвратились на родину. Переселения сельского населения на окраины и на свободные земли в других регионах страны не являлись единственным способом решения проблемы малоземелья. Существовал и второй подход, заключающийся в интенсификации сельского хозяйства, когда то же количество продукции производилось меньшим количеством людей, и для этого требовалась меньшая площадь сельскохозяйственных земель. На использование такого подхода неоднократно обращал внимание Наркомзем в своих письмах, в которых местным земледельческим органам предлагалось развернуть работу по интенсификации хозяйств и никоим образом не поощрять их стремлений к переселениям.

Программа модернизации страны требовала принятия срочных мер по ускоренному развитию и переводу ее на индустриальные рельсы. Для этого требовался большой приток рабочей силы в промышленность. Эту силу можно было получить только за счет освобождения значительной части сельских жителей и переселения их в город. Освободить крестьян для работы в промышленности можно было лишь интенсифицируя сельскохозяйственное производство. Переселение крестьянских семей из одной части страны в другую, при котором не менялся основной вид их деятельности, не давало такой возможности. При всей важности процесса индустриализации оставалась нерешенной вековая проблема малой хозяйственной освоенности восточных районов страны. Поэтому программа сельскохозяйственного переселения была приостановлена лишь на время. Во второй половине 1940-х гг., в дополнение к прежним, появились новые ее формы: колхозники из трудоизбыточных русскоговорящих районов переселялись преимущественно на территории, вошедшие в состав СССР по итогам войны. В этом процессе приняли участие и сельские жители образованной в 1938 г. Гомельской области. К 1970-м гг., по мере истощения трудовых ресурсов в местах выхода, произошел постепенный отказ от организованных сельскохозяйственных переселений.

Источники и литература

- 1 Платунов, Н. И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.) / Н. И. Платунов. – Томск, 1976.
- 2 Государственный архив Гомельской области (ГАГом). - Ф. 325. - Оп. 1. - Д. 1160. - Лл. 101–107.
114
- 3 ГАГО. - Ф. - 24. Оп. - 1. Д. - 84. Т. - 2. - Лл. 625–631.
- 4 ГАГО. - Ф. 13. - Оп. 1. - Д. 1376. - Лл. 29–34.
- 5 ГАГО. - Ф. - 24. Оп. 1. - Д. 321. - Лл. 15–17.
- 6 ГАГО. - Ф. 375. - Оп. 1. - Д. 1107. - Л. 18.
- 7 ГАГО. - Ф. 375. - Оп. 1. - Д. 1007. - Л. 150.
- 8 ГАГО. - Ф. 375. - Оп. 1. - Д. 1101. - Лл. 26–45.
- 9 ГАГО. - Ф. 24. - Оп. 1. - Д. 84. Т. 3. - Лл. 862–862об.

Zoya Aliksandrovich, Dzmitry Lin, O. Harbachou. Peasant resettlement from the Gomel Gubernia in the mid 1920 's. For example, the Gomel Gubernia analyzed Soviet resettlement policy in 1920-ies. The authors used the significant archival-documentary and statistical material, which reveal the redundancy of the agrarian population province at the turn of XIX-XX centuries, the concept of displacement, the practice of organizing them into phases. Showing the complexity and impact of resettlement campaigns, their impact on the prospects of modernization processes, in both agriculture and industry of the Gomel Gubernia.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ